Научная статья
УДК 316.1 + 316.42 + 378 + 159.9 + 316.728(73)
DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.035

ЕСТЬ ЛИ У СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ БИОГРАФИЯ?

Гарольд Ефимович Зборовский
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, *Россия*,
garoldzborovsky@gmail.com,
https://orcid.org/0000-0001-8153-0561

Аннотация. В статье доказывается, что биографический метод в социологии может быть использован в исследовании социальной общности. Утверждается, что признаки социальной общности (как объективные, так и субъективные) целесообразно рассматривать и в процессе изучения биографии человека (индивида, личности) как индивидуально-биографические, помогающие увидеть сходство и взаимодействие между жизненным путем человека и биографией социальной общности. Анализируются особенности и этапы биографии социальной общности научно-педагогических работников.

Ключевые слова: научно-педагогические работники (НПР); биография социальной общности; биографический метод в социологии; использование биографического метода в американской социологии; биография социальной общности НПР в России

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, https://rscf.ru/project/23-28-00028.

© Зборовский Г. Е., 2024

DOES THE SOCIAL COMMUNITY HAVE A BIOGRAPHY?

Garold E. Zborovsky
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
garoldzborovsky@gmail.com,
https://orcid.org/0000-0001-8153-0561

A b s t r a c t. The paper proves that the biographical method in sociology can be used in the study of social community. At the same time, it is advisable to consider the signs of social community (both objective and subjective) in the process of studying the biography of a person (individual, personality) as individually biographical, helping to see the similarities and interactions between a person's life path and the biography of a social community. The article examines the features and stages of the biography of the social community of the faculty.

K e y w o r d s: faculty; biography of a social community; biographical method in sociology; the use of the biographical method in American sociology; biography of the social community of the faculty in Russia

A c k n o w l e d g e m e n t. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00028, https://rscf.ru/project/23-28-00028.

Введение

Сегодня ни одна серьезная работа, посвященная изучению общества и его основных сфер, не может обойтись без анализа социальных общностей, так же как не может она этого сделать без характеристики социальных структур, социальных действий и взаимодействий, социальных институтов. В ряде исследований (в том числе и наших) социальная общность рассматривается как предмет социологии или даже как ядро ее предметного поля [Зборовский, 2004, с. 187; Ядов, с. 17–18]. В одной из работ социальная общность характеризуется как «социальный ген» общества, своеобразная единица социального наследования, преемственности и воспроизводства общества как социального организма [Зборовский, 2003, с. 232]. Учитывая значение, которое придается этой узловой категории социологии, и внимание, уделяемое ей в научной литературе, необходимо определить методы и подходы к ее изучению.

Как видно из формулировки проблемы, вынесенной в заголовок статьи, она имеет несколько необычный характер. Эта необычность обусловлена тем, что термин «биография» предлагается рассматривать не традиционно, как это принято делать в связи с описанием жизни (или даже истории жизни) индивида, конкретного человека, а применительно к социальной общности, т. е. изначально к определенной группе людей.

Сам термин «биография» — постоянный гость, можно даже сказать хозяин на страницах книжных (как печатных, так и электронных) изданий и означает

в первом приближении не что иное, как жизнеописание (рассмотрение жизненного пути) человека в качестве его важнейшей индивидуально-личностной характеристики. Другое дело — термин «биография социальной общности», встречающийся крайне редко в научной литературе. Здесь значение термина «биография» как жизнеописания (истории жизни) социальной общности выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов жизни человека (родился, учился, женился и т. д.).

Использование понятия «биография социальной общности» означает необходимость совсем иных подходов, имеющих глубоко социальный характер. Требуется анализ видов и форм деятельности (образования, семьи, профессиональной работы и др.) различных групп людей, их роли и места в структуре общественных отношений, связей и взаимодействий с иными группами и общностями людей, значения в жизни социума.

В свете сказанного выясняется, что проблема биографии социальной общности (начиная с базовых характеристик — понятия, структуры, функций и т. д.) нуждается в своей теоретической разработке и эмпирической верификации. Причем речь должна идти о биографии как социальной общности в целом (в виде обобщающего феномена), так и конкретной социальной общности (например, общности научно-педагогических работников). На этом понятии — биографии социальной общности — мы в дальнейшем остановимся подробно, равно как и на понятии биографии социальной общности научно-педагогических работников (НПР). Цель статьи состоит в рассмотрении возможности использования для трактовки социальной общности биографического метода, наряду с другими, ставшими уже традиционными подходами (общностным, ресурсным, деятельностным и др.).

Биографический метод в социологии: краткая характеристика

В социологии термин «биография» тесно связан с одним из распространенных методов качественного эмпирического исследования, который широко описан в литературе и часто применяется в изучении индивидуальных социальных практик. Биографический метод в социологии направлен на исследование субъективной стороны социальной реальности. При этом применяется анализ жизненного пути отдельного человека. Основу анализа составляет изучение личных документов, в особенности когда социолог пытается выявить субъективный смысл и значение социальных процессов, о которых идет речь в этих документах [Зборовский, Шуклина, 2004, с. 138–143; 2016, с. 135–143; Семенова, с. 91–101].

Биографический метод в социологии — это важный инструмент, с помощью которого целесообразно изучать жизненные истории людей (life stories) и их влияние на социальные процессы. В основе метода — анализ индивидуальных биографий, социальных взаимодействий людей и их исторического контекста. Поскольку биографический метод связан с исследованием субъективного мира людей, постольку он позволяет углубиться в понимание социальных явлений и процессов, выявляя при этом индивидуальные и коллективные опыты

и переживания людей. Вместе с тем следует учитывать ограничения этого метода, такие как субъективность данных, сложность обобщения результатов, временны́е границы биографий.

Здесь хотелось бы ввести некоторые уточнения, на которые в последние годы все чаще обращают внимание. Они связаны с новым термином: вместо «биография» появляется «постбиография». Речь идет об определенной категории людей, достигших при жизни заметных или даже выдающихся результатов деятельности, нашедших отражение в их «прижизненных» биографиях. Сейчас принято говорить, что после физической смерти этих людей их жизнь продолжается ментально — в тех делах, поступках, результатах, которые они оставили после себя и которые получили общее название «постбиография». Таким образом, жизнеописание, вначале отраженное в биографии, хронологически заметно расширяет свои границы в «постбиографии». Происходит как бы некоторое временное сближение биографии индивида и биографии социальной общности, которая в темпоральном аспекте всегда более продолжительна, чем первая. Более того, постбиография отдельных выдающихся личностей может быть значительно более протяженной по времени, чем биографии многих социальных общностей.

Теперь обратимся к вопросу о применении в анализе социальной общности термина «биография». Здесь мы наблюдаем некие метафорические акценты. Они связаны с выделением определенных этапов и периодов в возникновении и развитии феномена, который мы называем «социальная общность» (чуть дальше мы дадим ее определение). Метафорические акценты — это определенные дублирования этапов хронологического (темпорального, временного) воспроизводства человека (рождение, затем начальный — дошкольный период становления личности, ее школьный период и т. д.).

Мы можем без большого труда обнаружить грубые аналогии в названии этапов (периодов) возникновения и становления, а затем и развития социальной общности и жизненной биографии индивида. Но не все так просто. Временны́е интервалы в биографии социальной общности — совсем не те, что временны́е интервалы в биографии личности, индивида, человека. Сразу отметим, что эти три феномена существенно различаются по времени своего становления, существования, развития. Они могут различаться целыми порядками друг от друга. Тем более социальные общности во временном отношении могут отличаться от них.

Далее дадим определение и толкование социальной общности. В самом общем виде *социальная общность* означает объединение (совокупность) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей. Социальные общности, возникая прежде всего в повседневной жизни (например, семья как наиболее типичная их форма), формируются в самых разных сферах деятельности — производстве, сервисе, образовании, науке, культуре, спорте, религии, досуге и др. В. А. Ядов определял социальную общность как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия

и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [Ядов, с. 17–18].

По нашему мнению, главными признаками социальной общности являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к данной общности (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функций самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [Зборовский, 2009, с. 109–110]. Такой подход позволяет определить социальную общность как реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность и взаимосвязь людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям.

Возникает один из главных вопросов: насколько признаки социальной общности «биографичны», насколько подходят под определенную совокупность и взаимосвязь людей? С другой стороны, насколько характеристики и различные стороны (аспекты) биографии могут быть использованы для трактовки социальной общности?

Отметим, что из нижеперечисленных характеристик к главным особенностям социальной общности можно отнести как преимущественно объективные (п. 1, 2, 3), так и преимущественно субъективные (п. 4, 5, 6) признаки:

1) включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) наличие у членов социальной общности значимого основания (причины) сообща находиться в ней, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности, взаимодействия между ними в самых различных сферах повседневной жизни;

4) принятие всеми или большинством членов социальной общности правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для нее;

5) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), другими словами, самоидентификация членов общности;

6) признание данной социальной общности и ее идентичности с существующим социальным окружением, т. е. другими, посторонними людьми.

Мы считаем, что названные признаки социальной общности вполне биографичны — в том смысле, что могут быть перенесены на конкретного человека, индивида, личность. Все признаки, носящие как объективный, так и субъективный характер, обусловливают отношение человека к коллективу (любому — трудовому, учебному, спортивному), ближайшему социальному окружению (семье, творческому объединению, дружеской кампании) и т. п. как разновидности социальной

общности, порождая схожесть, подобие, взаимопересечение их биографий. Здесь мы и получаем возможность увидеть в биографиях социальных общностей отражение биографий конкретных людей (личностей, индивидов).

Социальная общность польских крестьян в Европе и Америке

Рассмотрим поставленную выше проблему соотношения биографий социальной общности и конкретных индивидов на материалах анализа классического социологического исследования, имеющего более чем столетнюю давность, но не потерявшего своей актуальности и сегодня в силу особенностей современной мировой экономики и поведения больших групп людей (мы их определяем как социальные общности), выступающих в качестве трудовых мигрантов. Речь пойдет о пятитомной книге У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki].

Во «Введении» к названной выше совместной работе У. Томас и Ф. Знанецкий отмечали «одно существенное различие между природной и социальной действительностью, которое состоит в том, что в то время как следствие физического феномена целиком зависит от объективной природы этого феномена и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания... следствие социального феномена зависит к тому же и от субъективной позиции, занимаемой личностью или группой относительно данного явления, и может быть просчитано, если мы знаем не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и значение, которая она имеет в данный момент для данных мыслящих существ» [Томас, Знанецкий, с. 345]. Если коротко суммировать сказанное, то оно будет означать единство объективного и субъективного в использовании применяемого социологами метода исследования, который получил название биографического.

Фабула книги связана с анализом иммиграции польского крестьянства в США в начале XX в. Это был очень сложный процесс обустройства жизни польских крестьян, переехавших жить в другую страну. Их биография дала резкий крен, в корне изменив все предшествующие намерения людей. Взрослые переселенцы не владели необходимыми промышленными и городскими профессиями, постоянных источников заработка поэтому не было. Самым стабильным средством добычи денег стала проституция. Польские женщины зачастую кормили продажей своего тела целые семьи. Переехавшие мигранты доставляли массу хлопот американскому обществу, криминал расцветал «пышным цветом».

Характерными явлениями иммигрантской жизни были незнание языка, отсутствие необходимой квалификации, бедность, слабое знание обычаев, культуры, норм американской жизни и т. д. В целом проблема адаптации польских крестьян к новым условиям жизни стояла очень остро. Исследователей (в том числе социологов) и практических (социальных) работников в США интересовали не только данные статистики иммиграции, но и социальное самочувствие переселенцев, особенности восприятия ими новой жизни, новых ценностей.

В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого применялись биографический метод и метод изучения документов личного характера (дневники, автобиографии, воспоминания, письма крестьян из Америки в Польшу и ответы им — всего 754 письма). Активно использовались также данные польских архивов, материалы прессы, документы американских социальных агентств по миграции, «глубинные» интервью. Одно из них, проведенное с польским крестьянином Владеком, дополнило его автобиографическое жизнеописание и составило вместе с текстами интервью целый том в 300 страниц.

Специально отметим, что первые два тома пятитомной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого включали в себя теоретические обобщения, а последующие три тома — анализ эмпирического материала. Благодаря этому читатель получил возможность проникнуть в творческую лабораторию социологов и сопоставить авторские рассуждения и размышления с конкретными документами. В истории социологии это первый (и в целом, к сожалению, нечасто встречающийся) случай такого подхода, сочетающего теоретические умозаключения с конкретным материалом, на основании которого они были сделаны.

Собранный эмпирический материал позволил социологам выявить субъективное мнение польских крестьян и объективные условия их повседневной жизни. На основании полученных данных социологи определили восемь основных проблем исследования: 1) индивидуализация (как она совместима с социальной сплоченностью); 2) эффективность (каково соотношение между индивидуальной и социальной эффективностью, личностной и профессиональной успешностью); 3) аномальное (девиантное, отклоняющееся) поведение (преступность, бродяжничество, проституция, алкоголизм); 4) занятость; 5) отношения между полами; 6) социальное счастье (базирующееся на удовлетворенности деятельностью социальных институтов и организаций); 7) борьба рас (национальностей) и культур; 8) идеальная организация культуры [Томас, Знанецкий, с. 354–355]. Именно с этими проблемами столкнулись У. Томас и Ф. Знанецкий при изучении польских крестьян.

В связи именно с данными проблемами возникает вопрос о соотношении индивидуально-биографического и социально-общностного в сравнительном изучении польских крестьян, приехавших в Америку и оставшихся в Польше. По сути дела, социологи изучали две подобщности единой социальной общности польских крестьян.

Практически любая из восьми названных проблем содержит в себе определенные (далеко не равномерные) пропорции общностного и индивидуального, но в каждой из них содержится и то, и другое — и элемент индивидуального, и элемент социального. В этом проявляется предпосылка использования в исследовании как индивидуального биографического метода, так и социально-общностного подхода.

Из приведенного вывода следует еще один — о том, что польские крестьяне, приехавшие в Америку, представляли собой неким образом скооперированное сообщество, в котором действовали свои внутренние законы взаимной помощи

и поддержки, т. е. те нормы и правила, которые характерны для функционирования социальной общности.

Наши рассуждения приводят нас к вопросам изучения и решения проблем польского крестьянства. Главный вопрос: как решать выявленные проблемы? Его задают себе и обществу социологи. Есть ли такая совершенная форма организации социальной жизни, которая соединила бы широчайший индивидуализм (а именно в нем видели дух и менталитет американской нации У. Томас и Ф. Знанецкий) с действиями эффективных общественных структур, что дало бы в качестве результата гармонию эффективности и счастья? Не имея окончательного ответа на этот вопрос, У. Томас и Ф. Знанецкий полагают, что необходимым способом разрешения поставленных выше проблем является систематическое социологическое изучение различных культур.

В контексте сказанного нельзя не обратить внимания на две фундаментальные практические проблемы, которые выдвигают социологи, говоря о том, что они составляют ядро рефлексирующей социальной практики во все времена. Это: «1) проблема зависимости индивида от социальной организации и культуры и 2) проблема зависимости социальной организации и культуры от индивида...» [Томас, Знанецкий, с. 341]. По существу, мы видим стремление У. Томаса и Ф. Знанецкого рассматривать не только в теоретическом, но и в практическом плане единство и взаимозависимость индивида, общества (социальной общности, социальной организации) и культуры.

Ключевым для социологов[1] было понятие ситуации, рассматриваемой ими как «набор ценностей и установок, с которыми индивид или социальная группа имеют дело в процессе деятельности и по отношению к которым планируется эта деятельность и оцениваются ее результаты» [Там же, с. 352]. Ситуация, по мнению социологов, включает в себя три вида данных: 1) объективные условия; 2) предшествующие установки индивида или социальной группы, которые в данный момент оказывают влияние на их поведение; 3) определение ситуации, т. е. ясная концепция условий и осознание установок. Понятие ситуации выступало для социологов как основное для объяснения поведения человека или социальной группы.

Столь подробное изложение реальной жизненной ситуации в США в начале XX в., связанной с социальной общностью трудовых мигрантов (польских крестьян), и ее отражение в социологическом исследовании понадобилось нам для того, чтобы показать возможности использования биографического метода для изучения социальной общности, а самой биографии — как иного способа ее исследования.

[1] В первую очередь для У. Томаса. Чтобы утвердиться в этом мнении, вспомним его «теорему»: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям».

Как можно изучать биографию социальной общности научно-педагогических работников?

В заключительном разделе статьи мы постараемся ответить на поставленный в его названии вопрос с учетом сказанного выше, т. е. признания того обстоятельства, что описывать и анализировать биографию социальной общности НПР вполне возможно и допустимо. Прежде чем мы это сделаем, необходимо коротко остановиться на трактовке (определении) этого понятия.

Под НПР будем понимать не только социальную, но и образовательную общность, поскольку основные виды ее профессиональной деятельности и производственные функции связаны с образованием и воспитанием. В этом ее главная особенность. На значительную часть представителей этой общности распространяются и функции, связанные с занятиями научной деятельностью, что дает необходимые и достаточные основания определять ее как социальную общность научно-педагогических работников.

В соответствии с общностным подходом «образовательные общности представляют собой взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями» [Зборовский, 2021, с. 192].

В самом общем виде образовательная общность означает совокупность (объединение, взаимосвязь, взаимодействие) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы совместной деятельности как малых, так и больших вовлеченных в образование групп людей. Образовательные общности, в том числе и НПР, возникая прежде всего в повседневной жизни, формируются в самых разных сферах вузовской образовательной деятельности — преподавании, связанных с ним научных исследованиях, совместной деятельности со студентами в ходе их учебного процесса и практик, воспитательной работе, досуге и др. Поэтому не случайно представителей этой общности называют преподавателями, или педагогами. Не вдаваясь в дискуссию по поводу названия рассматриваемой образовательной общности, отметим, что НПР выступают как видовая социальная общность, соотносимая с родовой социальной общностью (преподаватели, педагоги).

Поскольку мы рассматриваем биографию социальной общности НПР, следует говорить о ее корнях, предпосылках, истоках, как по времени, так и содержательно и организационно. И в Западной Европе, и в России появление этой общности связано с возникновением университетов. Первые европейские университеты возникли в XIII–XIV вв., российские — гораздо позднее (в XVIII–XIX вв.). В средневековых университетах было положено начало профессионализации преподавательской деятельности и развитию механизмов самоорганизации и саморегуляции внутри профессиональной корпорации.

Главным содержанием профессиональной деятельности средневековых университетских преподавателей было образование, обучение и просвещение — как способ интерпретации, трансляции и диссеминации канонического знания в различных областях. Наука еще не утвердилась в университетах того времени как система производства нового знания. Это значит, что мы можем говорить о формировании общности преподавателей средневековых университетов как начальном этапе биографии НПР. В этом смысле мы располагаем достаточными основаниями рассматривать университетских преподавателей в эпоху Средневековья как своего рода протосоциальную общность, на базе которой в Новое (тем более в Новейшее) время возникла сначала образовательная, а затем и научно-образовательная социальная общность педагогических работников университетов.

В России биография общности педагогов складывалась по-другому. Вплоть до Нового времени ее как таковой в явно выраженном виде не было. Протосоциальная общность педагогов, если и формировалась в условиях существования феодальных порядков, то в виде очень ограниченного количества приглашенных (в основном из-за рубежа) учителей по математике, иностранным языкам и воспитателей, и реально как сообщество не выступала. Отдельные люди, воспитывавшие и учившие «недорослей», не имели никакого объединяющего их начала. Сложившихся учебных заведений, тем более под государственным контролем, еще не было.

Ситуация с появлением высшего образования и первых университетов в России никак не была связана с эпохой феодализма. Уже в Новое время вслед за Московским университетом (1755) возникли в XIX в. еще девять университетов: Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Александровский (в Гельсингфорсе), Св. Владимира в Киеве, Новороссийский в Одессе, Варшавский, Томский. Это были университеты принципиально иного, отличного от европейского, типа, с совершенно иным преподавательским и студенческим сообществами. В российских университетах, в отличие от средневековых (и даже появившихся только в Новое время) европейских, были отдельные преподаватели, стремившиеся активно заниматься научными исследованиями.

Вместе с тем не следует забывать, что университеты в России создавались в определенной степени по образцу немецких и испытывали на себе влияние немецких традиций. Именно поэтому они возникали как государственные учреждения (каковыми остаются в подавляющем большинстве и сегодня) [Андреев]. Это обстоятельство не могло не повлиять на положение социальной общности НПР и перемены в нем в течение всего XX и начала XXI в.

После 1917 г. в России возникает принципиально новый этап в развитии университетов, и одна из его основных особенностей заключается в создании иных условий для жизни и профессиональной деятельности социальной общности университетских педагогов. В частности, таким важным условием стала актуализация научного знания и его тесная связь с образовательным знанием. В XX в., особенно в его второй половине, эта связь явилась основой содержания

современного университетского образования и развития социальной общности научно-педагогических работников.

Биография этой общности в период постреволюционного развития страны тесно связана с открытием большого числа вузов (преимущественно инженерно-технического профиля) как в довоенный, так и в особенности в послевоенный периоды развития системы высшего образования. В 1970–1980-е гг. начался процесс массовизации потребностей населения в высшем образовании. Базой этого процесса стало наличие двух условий: превращение полного среднего образования во всеобщее обязательное и достаточное количество вузов по всем основным направлениям и специальностям высшего образования. Тем самым была открыта дорога в вузы большому массиву студентов и преподавателей. К 2000 г. счет НПР пошел на сотни тысяч специалистов, занятых в системе вузовского обучения студентов. Переход к XXI в. социальная общность НПР встретила в ситуации готовности к новым переменам.

Основные этапы биографии социальной общности научно-педагогических работников России (XVII в. — настоящее время)

Прежде чем охарактеризовать основные этапы биографии социальной общности педагогических (научно-педагогических) работников России, необходимо хотя бы коротко остановиться на критериях этой периодизации. Здесь нужно иметь в виду, что на разных этапах и в рамках разных периодов критерии срабатывали неодинаково или не срабатывали вообще. Сам историко-биографический процесс развития социальной общности педагогических работников занимает такой длительный хронологический интервал, а его насыщение событиями настолько дифференцированно, что попытка выравнять критерии для сравнения изначально обречена на неудачу.

Перейдем к рассмотрению критериев периодизации биографии социальной общности НПР. Их несколько. Первый и самый главный — соответствие численности вузов числу работающих в них педагогических работников. Конкретизация этого критерия выводит на выявление соотношения между численностью педагогов и количеством специальностей и программ подготовки студентов.

Еще один критерий периодизации требует выявления соответствия численности НПР месту вуза в структуре системы высшей школы страны. Чем более высокое место занимает вуз в рейтинге высшего образования, тем больше ставок преподавателей он получает. На численность педагогов влияет учебный план и учебно-методический комплекс изучаемых дисциплин. В целом можно утверждать, что на критерии периодизации биографии социальной общности влияет развитие университета вширь и вглубь.

Далее назовем и кратко охарактеризуем основные этапы периодизации.

1-й этап — появление первых представителей будущей общности педагогов (XVII — первая половина XVIII в.): формирование протосоциальной общности

педагогических работников, включавшей работавших в семьях знатных людей учителей математики, иностранных языков, воспитателей, гувернанток(в).

2-й этап — начальный (вторая половина XVIII — XIX в.): становление социальной общности преподавателей десяти названных выше российских университетов.

3-й этап — постреволюционный (революционные и постреволюционные события 1917 г. и последующих лет — начало Великой Отечественной войны): этап активного строительства новых вузов и расширения социальной общности их педагогического корпуса.

4-й этап — послевоенный (окончание Великой Отечественной войны — начало перестройки в середине 1980-х гг.): восстановление разрушенных и строительство новых вузов, быстрый рост социальной общности педагогического персонала.

5-й этап — перестройка и постперестройка (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.): бурный постсоветский рост высшего образования и социальной общности научно-педагогических работников.

6-й этап — современный, реформирование страны (2000-е гг. — настоящее время): трансформации в сфере высшего образования, восходящая и нисходящая тенденции количественного и качественного преобразования биографии социальной общности НПР.

Заключение

Приведенные названия и краткие характеристики основных этапов становления и развития биографии социальной общности НПР свидетельствуют о необходимости подробного и детального анализа современного этапа, охватывающего первую четверть XXI в. Система университетского образования России за это время была подвергнута серьезным испытаниям (Болонский процесс, ЕГЭ, оптимизация, реструктуризация, эпидемия коронавируса, переход на новые формы и методы обучения в системе онлайн и дистанционного образования, специальная военная операция). Биография социальной общности НПР «приняла» эти испытания на себя. Часть из них была пройдена с честью, другая часть находится в процессе преодоления. Немало трудностей еще поджидает научно-педагогических работников. Так что впереди — исследования. Нам предстоит их провести и вынести социологический вердикт. Наступает время ожиданий.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

Зборовский Г. Е. Общая социология. Екатеринбург, 2003.

Зборовский Г. Е. Общая социология. М., 2004.

Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.

Зборовский Г. Е. Характеристика поведенческих стратегий образовательных общностей в условиях трансфера их человеческого капитала // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 190–200.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология. М., 2004.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Эмпирическая социология. Сургут ; Екатеринбург, 2016.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 335–355.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995.

Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N. Y., 1927.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024 г.